

Научная статья

[https://doi.org/ 10.24412/2220-2404-2025-3-3](https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-3-3)

УДК 347.19

Attribution

cc by

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ ПРАВА

Журавлева А.В.¹, Куликова Ю.А.².

Московский психолого-социальный университет^{1,2},

<https://orcid.org/009-004-2587-7244>¹, <https://orcid.org/0009-0004-0080-2596>²

Аннотация. В предложенном исследовании авторы анализируют феномен искусственного интеллекта (далее, ИИ) с точки зрения философско-правового осмысления и возможности применения к нему различных правовых конструкций правосубъектности в зарубежном и российском правовом дискурсе, состояние и качество гражданского законодательства РФ.

В качестве методологической базы исследования авторы используют метод системного анализа, позволяющий осмыслить основную часть актуального теоретического материала по заявленной теме.

Метод синтеза авторы применяют для выработки рабочей гипотезы о наиболее актуальной и применимой форме правосубъектности юнита ИИ.

Научная ценность результатов предложенного исследования заключается в выводе о невозможности наделения юнита ИИ статусом субъекта правоотношений.

Авторы в результате исследования предлагают рассматривать «электронное лицо» как формальный технико-юридический признак с признаками юридической фикции, обладающий в правовом пространстве специальной правосубъектностью квазисубъекта искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронное лицо, квазисубъект, физическое лицо, юридическое лицо, ответственность, объект права, норма права.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A LEGAL ENTITY

Alena V. Zhuravleva, Yulia A. Kulikova

Moscow psychological-social university

Abstract. The purpose of this research is to analyze and understand the civil law aspects of the phenomenon of artificial intelligence and the legal status of generative artificial intelligence technologies (hereinafter referred to as AI) in both foreign and Russian legal contexts. We also aim to assess the current state and quality of civil legislation in the Russian Federation regarding AI. As a methodological basis for the research, the authors use the method of system analysis, which allows them to comprehend the main part of theoretical material. The synthesis method is used to formulate an author's scientific hypothesis about the possible form of legal personality for an AI unit. The scientific results of the study lead to conclusions about the impossibility of applying concepts of individual and collective legal entities to the legal personality of AI units. As a result of the study, the authors propose considering the «electronic person» as a formal technical and legal entity with signs of legal fiction that possesses a special legal personality in the legal space as a quasi-artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, electronic person, legal personality, individual, collective, responsibility, object of law, norm of law.

Funding: Independent work.

Введение. Жизнь современного общества невозможно представить без компьютерно-программных технологий, которые развиваются с невероятной быстротой. Максимально перспективными и потенциально применимыми технологиями практически во всех сферах общественной жизни сегодня выступают различные программы с использованием ИИ, решающие задачи любой

сложности без вмешательства интеллектуальной составляющей человека.

Само понятие AI (artificial intelligence) - «искусственный интеллект» или «искусственный разум» появилось в социальной реальности в середине XX благодаря работам Джона Маккартни, Аллана Тьюринга, Клода Шеннона и многих других ученых.

В самом упрощенном понимании ИИ сегодня это - способность компьютерной программы имитировать человеческие действия и навыки.

В процессе обучения, генеративного анализа различных массивов больших данных на основе опыта, принятия разумных решений, системы с искусственным интеллектом способны решать сложные и многозначные проблемы, интуитивно мыслить и широко выходить за рамки обычной автоматизации.

Генеративный интеллект - Chat GPT, разработанный американской компанией Open AI способен имитировать реакции человека, автономно генерировать различный контент, разрабатывать прототипы и алгоритмы, вести научные исследования и т.п.

Перед обществом открываются новые возможности для создания различных индивидуальных цифровых продуктов и услуг, делая процесс более быстрым и гораздо экономически выгодным.

Целью предлагаемого исследования является попытка гражданско-правового осмысления феномена искусственного интеллекта в контексте концепций, конструирующих правовой статус ИИ в зарубежном и российском законодательствах; сравнение правовых признаков ИИ с признаками физического и юридического лица; рассмотрение вопросов о возможных видах ответственности ИИ; анализ актуальных тенденции в зарубежном и российском законодательствах в сфере наделения ИИ специальной правосубъектностью и особым статусом - «электронное лицо».

Для достижения заявленных целей исследования необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать состояние и качество зарубежного и российского законодательства в отношении норм, регулирующих использование ИИ в целом и в сфере норм права интеллектуальной собственности.

2. Исследовать, по возможности, предложить классификацию моделей определения форм ответственности ИИ.

3. Исследовать возможность наделения ИИ юридическими и фактическими признаками физического и юридического лица, как квазисубъекта «электронного» лица.

4. По возможности, оказать содействие в адаптации норм Гражданского права к вызовом научно-технического прогресса.

Обсуждение.

Вопросы определения и толкования понятия «искусственный интеллект» были частично

раскрыты в работах зарубежных и российских ученых, в первую очередь, в трудах Стюарта Рассела, Эрла Ханга, Николаса Бострома, Джона Дюгера, из российских авторов представляют интерес работы И.В. Понкина, О.А. Кузнецовой, Г.А. Гаджева, Гаврилова Э.П. и многих других.

Эти новации в определениях новых правовых явлений необратимо влияют на развитие довольно консервативной юридической среды, где многие отрасли работают по классическим и привычным регламентам, но в объективной социальной реальности все острее ощущается запрос на динамичную адаптацию норм практически во всех сферах законодательства, активное применение экспериментальных правовых режимов в контексте цифровых инноваций для заполнения проблемных зон в зарубежном и российском законодательствах.

В зарубежном законодательстве на текущий момент проработаны всего три законодательные инициативы в области регулирования использования искусственного интеллекта, требующие пристального внимания законодателей, ученых, разработчиков технологий с ИИ во всем мире.

В частности, авторы отмечают «Закон об ИИ» (The AI Law), принятый в 2023 году в Евросоюзе, «Указ о безопасном, надежном и заслуживающем доверия ИИ» (Executive Order on Safe, Secure, and Trustworthy Artificial Intelligence), принятый в 2021 году в США и «Временные меры по управлению генеративными системами искусственного интеллекта» (Interim measures for managing generative artificial intelligence systems), принятый в 2022 году Китае.

Наряду с другими важными направлениями государственной политики, в Российской Федерации ключевым вектором выступает развитие технологий с использованием ИИ.

В связи с этим, приняты и находятся в состоянии законопроекта большие массивы законодательных норм и инициатив.

В 2019 году Указом Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» была утверждена «Национальная стратегия развития ИИ на период до 2030 года».

В соответствии с этим программным документом, была разработана нормативно-правовая база и приняты соответствующие правовые нормы: Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в це-

лях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве», Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», которым был введен новый правовой инструмент, позволяющий апробировать инновации в тестовом режиме, без корректировки действующего правового регулирования.

Своевременным шагом в сфере правового регулирования ИИ в РФ стало принятие Федерального закона от 8 июля 2024 года № 169-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», который дополняет Федеральный закон № 258-ФЗ механизмом рассмотрения случаев причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека, либо имуществу юридического лица при реализации экспериментального правового режима в результате использования решений, созданных с применением технологий ИИ, а также предусматривает обязательное страхование гражданской ответственности участников экспериментального правового режима, наступающей в указанных случаях.

В условиях цифровой реальности современные юридические технологии позволяют внедрять новые или перераспределять классические действующие методы правового регулирования, использовать инновационные правовые режимы, систематизировать и адаптировать крупные массивы законодательных норм, придавая современному праву структурность и динамизм.

В данной статье авторы рассматривают аргументы сторонников трех основных теорий правосубъектности юнита ИИ: это полноценный субъект правоотношений, объект особого рода и «электронное лицо» как квазисубъект.

Искусственное введенное в оборот понятие «юнит» (англ. unit), дословно переводиться как элемент, но имеет многозначность в толковании. В правовой сфере этим термином принято называть обобщенный, обезличенный субъект или объект правоотношений.

В частности, Ф. А. Ужов в своих исследованиях рассматривает юнит как механизм, полностью лишенный социализации, а юнит ИИ понимает, как информационную технологию, схожую с субъектом или объектом права, способным совершать юридически значимые действия [11, с. 100].

Попытки искусственно создать субъект правоотношений, который не обладает всеми необходимыми юридическими признаками, привели к появлению в законодательстве таких понятий как «квазисубъект» и «квазиправосубъектность», обозначающих лиц, общностей и организаций, но при этом не обладающих сознанием, волей, субъективным интересом и субъективными потребностями.

Ученые, изучающие и сопоставляющие искусственный интеллект, и человеческий разум, в частности, Эрл Хант, считают, что, используя термин «электронное лицо», можно применить метод юридической фикции и придать юниту ИИ статус личности, что фактически означает наделение юнита ИИ правосубъектностью [10, с. 571].

Принимая во внимание морально-этический аспект, и учитывая, что юнит ИИ разумен, можно предположить, что он имеет право на собственный правовой статус, в результате чего возможно приобретение автономности, включая права и обязанности [1, с. 412].

Гаврилов Э.П. полагает, что обладая разумом, развитым интеллектом, сознанием, психологическим типом и при этом не являясь личностью, объект может выступать как физическое лицо, обладая при этом соответствующими правами и обязанностями [2, с. 124].

Авторы статьи делают предположение, что при конструировании правового статуса для юнита ИИ применимы такие признаки правосубъектности, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность физического лица.

Конструкция правосубъектности, согласно нормам п. 1 ст. 21 Гражданского кодекса РФ, рассматривается как способность гражданина, в результате своих действий осуществлять, приобретать гражданские права и исполнять, создавать гражданские обязанности.

В классическом праве субъекты по различным критериям разделены на статичные группы, наиболее стабильная из них - индивидуальные и коллективные субъекты.

Авторы согласны с мнением Гаджиева Г.А., что важнейшей характеристикой физического или индивидуального лица выступает самосознание, которое раскрывает многогранность личности человека и маркируется его способностями к обучаемости, коммуникации и адаптации к различным информационным и цифровым технологиям [3, с. 230].

Принимая во внимание, что генеративный ИИ сегодня практически не уступает чело-

веку в воспроизведение интеллектуальной деятельности и мышлению, можно предположить, что он отвечает критериям правосубъектности физического лица.

В правовом дискурсе отмечается, что на самых ранних этапах биологического развития физическое лицо или индивид, не могло обладать развитым мышлением, которым он способен обладать уже в зрелом возрасте, но в правовом дискурсе он признается полноценным субъектом правоотношений, что говорит о гибкости данного критерия [3, с. 239].

Упрощенно рассматривая общение как безэмоциональный процесс обмена информацией между субъектами, можно приравнять юнит ИИ к полноправной сущности, которую от физического лица отличает только факт отсутствия рефлексии по отношению к внутреннему и внешнему миру [7, с. 112].

Авторы полагают, что важнейшим маркером физического лица как субъекта правоотношений выступает философская категория - самосознание или самоосознания себя в окружающем мире.

Юридическая доктрина обосновывает, а юридическая практика подтверждает, что, обладая полным сознанием, некоторые физические лица могут быть лишены правосубъектности, а временно не обладающие сознанием субъекты, могут быть лишены правосубъектности. В качестве примера рассматривается спящий человек, временно не обладающий сознанием, но при этом обладающий правосубъектностью в полном объеме [4, с. 654].

Актуальная теория, имеющая большое количество сторонников, в свою конструкцию включает идею о возможности принятия на законодательном уровне минимального стандарта о наличии определенной степени сознания у юнитов ИИ, что позволит расширить вероятность признания их обладающими правосубъектностью [13, с. 46].

Если индивид выделяет себя из окружающей реальности и считает себя объектом окружающего мира, осознает самоценность своей личности, своих действий, чувств, поступков, творческой составляющей, то личность обладает самосознанием - сравнивает, сопоставляет себя и отождествляет с другими личностями и владеет средствами коммуникаций в социуме [5, с. 98].

В результате развития различных технологий с ИИ, роботизированные устройства в различных системах автономно могут выполнять различные функции, имитирующие процессы

жизнедеятельности индивида, в точности повторять практически все функции человека и копировать его поведение и подражать эмоциям.

С юридической точки зрения этот аспект необходимо принимать во внимание, так как, в дальнейшем, он может оказывать влияние на установление пределов прав и обязанностей, границ ответственности для технологий с ИИ [6, с. 224].

Современные исследователи выдвигают довольно серьезные аргументы против наделяния ИИ правосубъектностью схожей с физическим лицом.

В первую очередь - юниты ИИ не наделяются, в силу своей искусственной природы, способностью принимать решения, носящие нравственный и субъективный характер [6, с. 246].

Авторы полагают, что вопрос о реальной применимости правовой конструкции физического лица к юниту ИИ является довольно спорным и на данный момент не разрешенным.

Рассматривая довольно интересную концепцию коллективного субъекта права по отношению к юниту ИИ, авторы исходят из того, что в классических положениях права, важнейшей составляющей правосубъектности личности выступает автономия воли человека, но анализ правовых норм в международном и российском законодательствах позволяет проследить тенденцию распространения правосубъектности и на субъектов, не обладающих личностью, в частности, этим субъектом могут быть корпорации [9, с. 121].

Рассматривая фикцию юридического лица как искусственно созданный субъект права для различных юридических целей применительно к технологиям с ИИ, авторы приходят к выводу о том, что проблематично принимать ее за аналогию для конструирования правосубъектности для юнита ИИ

Зарубежные и российские исследователи сходятся во мнении о том, что главным критерием различия юнита ИИ и юридического лица выступает явное отсутствие выраженной материальной формы у организации [12, с. 64].

Авторы полагают, что воля и различные действия физических лиц, контролирующего юридического лица, делают их практически полностью созависимыми, а вот отсутствие возможности у физического лица обладать контролем над юридическим лицом, позволяет ему использовать все составляющие правосубъектности.

Юнит ИИ материально воплощен, и в случае возможных самостоятельных действий и

отсутствием полного контроля со стороны разработчика, его возможно наделить статусом субъекта, применяя конструкцию правосубъектности юридического лица, только используя технику юридической фикции.

Большинство сторонников этой теории отмечают, что применение техники юридической фикции в полной мере не объясняет юридическую природу юнита ИИ, и находят, что она несопоставима с таким субъектом, как юридическое лицо [11, с. 112].

Как полагает О.А. Ястребова, обладающая правовым статусом «электронного лица» роботизированная система с ИИ, ни при каких обстоятельствах не будет обладать полным спектром прав и обязанностей, она будет юридической фикцией и ее собственник - создатель будет осуществлять над ее действиями полный контроль в своих материальных интересах [12, с. 72].

Довольно серьезный интерес для авторов представляют идеи М.А. Соколова, исследователя теории права, который в своих работах сравнивает технологии с ИИ с животными и утверждает, что оба субъекта обладают схожей автономностью сознания, чего нельзя утверждать по отношению к юридическому лицу.

Детально раскрывая основные положения своей теории, М.А. Соколов приходит к интересному выводу о том, что юниты ИИ, как и животные, не могут обладать и реализовывать на практике свои права и исполнять свои обязанности [11, с. 98].

Еще одним важным критерием различия между юридическими лицами и юнитом ИИ выступает то, что юридические лица, являясь юридической фикцией и фиктивными в своей автономности, правом приема решений, обладают только реальными собственниками юридического лица, а в отношении юнита ИИ можно предположить, что он способен, в силу своей правовой природы, иметь более широкий спектр правомочий и большую степень свободы и автономии от компании - разработчика или владельца [8, с. 156].

Как уже отмечали авторы статьи, важнейшей темой, практически в любой рассматриваемой теории определения будущего правового положения юнита ИИ, выступает вопрос о юридической ответственности.

В самом примитивном толковании, юридическая ответственность представляет собой меру принудительного государственного императивного характера, меры принуждения за со-

вершенное правонарушение, своеобразное правоотношение между государством, правонарушителем и пострадавшим.

Рассуждая о возможности возникновения у юнита ИИ уголовной ответственности, И.В. Понкин полагает, что обязательной составляющей ответственности всегда является субъективная сторона преступления, которая отсутствует у юнита ИИ в виду невозможности осознания своей вины и негативных последствий своих действий [7, с. 56].

Применительно к гражданским правоотношениям, эта позиция является достаточно распространенной, так как одним из условий наступления гражданско-правовой ответственности выступает вина.

Оценка деятельности ИИ с точки зрения противоправности деяния и в аспекте возможной взаимосвязи с другими условиями становится невозможной, поскольку ответственность объекта права в законодательстве РФ исключена.

В результате бурных дискуссий на Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Слияние с технологиями, искусственный интеллект и права человека» от 26 марта 2019 года № 1221, были выдвинуты тезисы, в которых довольно четко закреплено, что все формы ответственности за все действия искусственного интеллекта несет человек или организация в независимости от обстоятельств произошедшего.

Проблема закрепления возможной формы ответственности юнита ИИ сложна еще и контексте того, что затрагивает такие конституционные права граждан, как право на жизнь и здоровье.

Во всем мире на повестке дня стоят актуальные вопросы о необходимости наделяния юнита ИИ правосубъектностью, но невозможно поставить знак равенства между правосубъектностью юридического лица, физического лица, «электронного» лица в классическом понимании этой сущности.

Большинство зарубежных и российских ученых полагают, что на этот вопрос не существует возможных вариантов ответов.

Результаты.

На основании своего исследования авторы пришли к следующим результатам:

1. В результате тщательного анализа основных сущностных характеристик физического и юридического лица и их интерполяцию на фиктивную конструкцию «электронного» лица, авторы приходят к выводу о несовпадении данных критериев, что предполагает невозможность

отождествления этих субъектов в правовом пространстве. Практически каждая из существующих концепций, рассматривающая возможность надления юнита ИИ правосубъектностью, содержит выводы о неэффективности новации конструкции «электронное лицо».

2. На данном этапе развития юридической техники, обобщая основные выводы в работах известных ученых, юнит ИИ можно рассматривать как довольно специфический фиктивный объект без волевой составляющей, с отсутствием самосознания, морально-нравственных качеств, рефлексии и возможных других источников проявления автономности и воли.

Отсутствие всех вышеперечисленных качеств выступает непреодолимым на сегодняшний день препятствием для разрешения вопросов, касающихся дееспособности, волееспособности и автономности мыслей субъекта.

3. В отношении юридической ответственности авторы полагают, что юнит ИИ не отвечает всем необходимым условиям и, в первую очередь, условию вины субъекта, потому что ответственность за его проявление в обществе возложена на физическое или юридическое лицо.

Заключение.

Для заполнения правовых пробелов и актуализации современного законодательства в части определенных предпосылок юнит ИИ можно рассматривать как «квазисубъект», возникающий из отношений, в которые могут вступать нечеловеческие актаны.

Авторы предполагают, что возможное надление роботов правосубъектностью может привести к серьезным социальным и правовым последствиям, так как различные недобросовестные субъекты могут скрывать свой реальный правовой статус за фиктивным статусом квазисубъекта ИИ.

Рассматривая квазиправосубъектность «электронного лица» с точки зрения индивидуального субъекта, предоставляя ему такой статус, можно говорить о возможности получения роботом полного набора конституционных прав, что в дальнейшем может породить глобальные проблемы и вопросы.

Как полагают авторы статьи, главным доводом против надления юнита ИИ правовым статусом «электронного лица» является ограниченная уязвимость к наказанию.

Авторы полагают, что концепция правосубъектности квазисубъекта «электронное лицо» в дальнейшем имеет некоторые перспективы, но в настоящий момент еще находится на стадии научно-юридического осмысления, проработки и обсуждения.

Исходя из анализа современных теорий, предполагающих в будущем надление ИИ специальной правосубъектностью, авторы выделяют перспективную, новаторскую, новую для правовой системы концепцию «электронного лица», не имеющую аналогов и ранее не известную праву.

В качестве законодательных рекомендаций, авторы статьи предлагают - законодательно расширять виды субъектов в киберпространстве и киберправе, так как оно находится в состоянии динамики в виду появления новых цифровых технологий.

В киберпространстве и в правовом поле с помощью юридической фикции можно выделять такие виды квазисубъектов, как лица:

1. Наделенные субъективными правами и обязанностями, но не несущие ответственность (интеллектуальные агенты, киберфизические системы, системы ИИ, роботы и т.п.).

2. Не обладающие правосубъектностью, но реализующие свои интересы через интересы субъектов права, как правило, в качестве конституционно-правового императива.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Бострум Н. Последнее изобретение человечества. Искусственный интеллект и конец эры Homo Sapiens: пер. англ. 4-е издание. - М.: Альпина - фикшен, 2022. - 412 с.
2. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Общие положения XXI век. - М.: Юрайт, 2023. - 124 с.
3. Гаджиев Г.А. Онтология права: Исследования юридического концепта действительности. - М.: Норма - ИНФО М, 2023. - 230 с.

4. Дюгер Дж. Искусственный интеллект: Стратегии и методы решения сложных вопросов: Пер. с англ. 8-е изд. - М.: Вильямс и К, 2019. - 654 с.
5. Екримов Д.А. *Методология права: предмет, функции, актуальные проблемы философии права.* - М., 2021. - 98 с.
6. Кузнецов М.Н. *Информационные технологии и юридическая деятельность: актуальные проблемы.* - М.: Юрайт 2022. - 224 с.
7. Понкин И.В. Упрощение законодательства как инструмент «новой» модели публичного права? *Гражданское право и процесс.* - 2023. - №2. - 56-112 с.
8. Соколова М.А. Коллизии «права роботов». *Дискуссии юристов в связи с разработкой Киберкодекса в РФ // Современное право.* - 2022. № 6. - 156 с.
9. Тарасов М.В. *Субъекты и объекты гражданских правоотношений в инфорционно-коммуникационных сетях: проблемы теории и практики: Дис. Канд. Юридич. Наук:* - М., 2023. - 121 с.
10. Хант Э. *Искусственный интеллект: пер. с англ.* - М.:, 1998. - 571 с.
11. Ужов Ф. А. *Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве.* - 2020. №4. - 98-112 с.
12. Ястребова О.А. *Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения.* - 2021. - №2. - 64-72 с.
13. Ярков А.В. *Возможны ли правоотношения и юридические взаимодействия между людьми и роботами?* - М.: Принт, 2019. - 46 с.

References:

1. Bostrum N. *The last invention of mankind. Artificial intelligence and the end of the era of Homo Sapiens: English translation. 4th edition.* - М.: Alpina - fiction, 2022. - 412 p.
2. Gavrilov E.P. *Intellectual property law. General provisions of the XXI century.* Moscow: Yurayt, 2023. 124 p.
3. Gadzhiev G.A. *Ontology of law: Studies of the legal concept of reality.* Moscow: Norm - INFO M, 2023. 230 p.
4. Dugher J. *Artificial intelligence: Strategies and methods for solving complex issues: Translated from English.* 8th ed. - М.: William and K, 2019. - 654 p.
5. Ekrimov D.A. *Methodology of law: subject, functions, actual problems of philosophy of law.* Moscow, 2021, 98 p.
6. Kuznetsov M.N. *Information technologies and legal activity: actual problems.* Moscow: Yurait 2022, 224 p.
7. Ponkin I.V. *Simplification of legislation as a tool of the "new" model of public law? Civil law and process.* - 2023. - №2. - 56-112 C.
8. Sokolova M.A. *Collisions of "the rights of robots". Lawyers' discussions in connection with the development of a Cyber Code in the Russian Federation // Modern Law.* - 2022. No. 6. - 156 p.
9. Tarasov M.V. *Subjects and objects of civil law relations in information and communication networks: problems of theory and practice: Dis. Candidate of Sciences. Legal. Sciences: Moscow, 2023, 121 p.*
10. Hunt, E. *Artificial Intelligence: translated from English, Moscow, 1998, 571 p.*
11. Uzhov F. A. *Artificial intelligence as a subject of law // Gaps in Russian legislation.* - 2020. No. 4. 98-112 p.
12. Yastrebova O.A. *Discussion on the prerequisites for assigning robots the legal status of "electronic persons" // Issues of Jurisprudence.* - 2021. - No. 2. - 64-72 p.
13. Yarkov A.V. *Are legal relations and legal interactions between humans and robots possible? Moscow: Print Publ., 2019. 46 p.*

Информация об авторах:

Журавлева Алена Владимировна, магистр права, кандидат философских наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин АНО ВО «Московский психолого-социальный университет, г. Москва, jur.a@bk.ru, <https://orcid.org/009-004-2587-7244>

Куликова Юлия Альбертовна, магистр права, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин АНО ВО «Московский психолого-социальный университет, г. Москва, jumar66@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0004-0080-2596>

Alena V. Zhuravleva, Master of Law, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the ANO VO Moscow Psychological and Social University, Moscow.

Yulia A. Kulikova, Master of Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the ANO VO Moscow Psychological and Social University, Moscow.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 24.02.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 10.03.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.03.2025.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.